

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ товарищества „Знаніе“.
Книга 27-я. 1910 года. Цѣна 1 рубль.

Гвоздемъ сборника является повѣсть М. Горькаго „Лѣто“. Былой пѣвецъ „бывшихъ людей“ на этотъ разъ остановилъ свое вниманіе на деревнѣ. Содержаніе повѣсти несложно. Егоръ Трофимовъ, пропагандистъ неизвѣстнаго толка, поселяется на лѣто въ деревнѣ, въ чисто земледѣльческомъ районѣ. Здѣсь онъ организуетъ кружокъ прогрессивной молодежи, руководить имъ. Жизнь этого кружка и его постепенный ростъ описываются день за день. А на этой канвѣ авторъ стремится вырисовать (характерную для современной русской деревни картину разслоенія ея элементовъ, раскрыть преобладающія въ крестьянствѣ настроенія, думы. Одинъ изъ учениковъ Трофимова говоритъ ему о деревнѣ:

— Да-а, это, братъ, никакъ не единое существо! И все меньше единое!

— Все тронулось, все пошло къ мѣсту!—говоритъ другой герой повѣсти.

Процессъ этотъ начался не вчера и уже давно отмѣченъ. Въ этомъ отношеніи „Лѣто“ ничего новаго не даетъ и можетъ заинтересовать читателя лишь мастерствомъ внѣшней формы.

Другой вопросъ—о формахъ этого процесса, о степени сознательности организованности и планомѣрности прогрессивнаго движенія среди крестьянъ. Повидимому, Горькому очень хотѣлось бы видѣть деревню далеко шагнувшей въ своемъ развитіи, и осуществленію этой мечты—правда, только на бумагѣ—онъ принесъ въ жертву художественную правду. Той молодой деревни, какую описываетъ Горькій, въ дѣйствительности пока еще нѣтъ. Она имъ выдумана, ея герои сочинены. Слишкомъ много въ ней сказочнаго элемента. Кажется, авторъ и самъ чувствуетъ что-то неладное въ своемъ произведеніи. Напр., онъ долженъ былъ сдѣлать мѣстнаго стражника полу-сумасшедшимъ: иначе нельзя объяснить ту легкость, съ которой Трофимовъ и его кружокъ вели въ деревнѣ почти открытую пропаганду.

Повѣсть кончается частичнымъ „проваломъ“, но и это не нарушаетъ ея сказочности. Можетъ быть, Горькому и рассказывали нѣчто подобное изъ дѣйствительной жизни (ибо самъ онъ въ современной деревнѣ не бывалъ), но исключеніе нельзя обобщать и брать его темой для художественнаго произведенія. Не такъ сурово, но автору можно сказать то, что говоритъ Трофимову одинъ изъ его деревенскихъ учениковъ, Егоръ Досѣкинъ:

— Нѣтъ, тезка, такъ не годится! Хоть и мужичекъ ты, но давній, и мы деревню знаемъ лучше тебя,—мы вѣдь не сквозь книжки глядимъ. Вѣрно то, что есть, а не то, что тебѣ хочется, по добротѣ твоей души.

Въ томъ же „Сборникѣ“ помѣщена повѣсть Ф. Крюкова „Зыбь“. По своей темѣ она очень напоминаетъ „Лѣто“. Здѣсь также сдѣлана попытка описать броженіе въ народныхъ низинахъ, перестройку въ ихъ психологіи. Только вмѣсто великорусской деревни взята казачья станица.

При сравненіи съ „Лѣтомъ“ произведеніе Крюкова представляется какъ бы его антитезой. Повѣсть Горькаго поражаетъ читателя образностью и силой языка, архитектурной стройностью, и въ то же время—внутренней тенденціозностью. „Зыбь“, по внѣшности менѣе красива, но въ ней больше художественной правды. Авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ своего главнаго героя, Терпуга:

„Онъ самъ тосковалъ отъ того, что не знаетъ, куда надо броситься... Желаніе выйти на чистое поле и схватиться съ какою-то ненавистною силой, которая таила въ себѣ все зло, сойтись съ ней, лицомъ къ лицу,—безпокойно бродило въ немъ и искало выхода, толкало на ненужныя выходки, на дерзости полицейскому Возгрякову, стражнику и даже самому Фараошкѣ, станичному атаману. Силой помѣриться, удалъ показать жаждала взволнованная душа, а кругомъ было одно равнодушіе и тупое терпѣніе...“

Терпугъ такъ и не нашелъ настоящаго пути и кончилъ глупѣйшей „экспроприаціей“ и бѣгствомъ изъ родной станицы.

„Лѣто“ и „Зыбь“ заполняютъ почти всю 27-ю книжку „Сборника“. Въ ней помѣщены еще стихотвореніе Ив. Бунина и его же эпизодическій набросокъ „Бѣденъ бѣсь...“, безупречный по формѣ, а также замѣчательно живыя, но слишкомъ поверхностныя и отрывочныя снимки съ натуры И. Касаткина—„Въ уѣздѣ“.

Н. М.